

DOI: [10.14515/monitoring.2021.5.2065](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.2065)

В. М. Пешкова

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЕ ДЕТСТВО. ЧАСТЬ II: МЕСТО И РОЛЬ ДЕТЕЙ В МИГРАЦИИ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ В РОССИЮ

Правильная ссылка на статью:

Пешкова В. М. Транснациональное детство. Часть II: место и роль детей в миграции из Средней Азии в Россию // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 5. С. 450—473. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.2065>.

For citation:

Peshkova V. M. (2021) Transnational Childhood. Part II: The Place and Role of Children in Migration from Central Asia to Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5. P. 450–473. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.5.2065>. (In Russ.)

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЕ ДЕТСТВО. ЧАСТЬ II: МЕСТО И РОЛЬ ДЕТЕЙ В МИ- ГРАЦИИ ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ В РОССИЮ

*ПЕШКОВА Вера Михайловна — канди-
дат исторических наук, старший науч-
ный сотрудник, Институт социологии
Федерального научно-исследователь-
ского социологического центра Россий-
ской академии наук, Москва, Россия
E-MAIL: pever@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3530-922X>*

Аннотация. Статья посвящена изуче-
нию места и роли детей мигрантов
в трудовой миграции из Средней Азии
в Россию. Понятие «дети мигрантов»
охватывает не только тех, кто приехал
вместе с родителями, но и тех, кто
остался на родине. Проблематику детей
мигрантов предлагается рассматри-
вать из теоретико-методологической
перспективы «транснационального
детства», согласно которой дети растут
и взрослеют в мигрантском социаль-
ном пространстве, являясь при этом
активными участниками процесса
миграции, со своими собственными
взглядами и планами. Текст основы-
вается на анализе материалов наблю-
дений, а также данных не менее 100
глубинных интервью, как с мигран-
тами, так и с членами их семей в Кыр-
гызстане, Узбекистане и Таджикистане.
Всего тридцать кейсов или семей, где
есть дети разного возраста.

Рассматриваются социально-эконо-
мические и брачно-семейные кон-
тексты в отправляющей стране, ком-
муникация по поводу детей мигрантов
в стране эмиграции и иммиграции, фи-
нансовые и культурные аспекты этой
коммуникации, а также роль детей

TRANSNATIONAL CHILDHOOD. PART II: THE PLACE AND ROLE OF CHILDREN IN MIGRATION FROM CENTRAL ASIA TO RUSSIA

*Vera M. PESHKOVA¹ — Cand. Sci. (Hist.),
Senior Research Fellow
E-MAIL: pever@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3530-922X>*

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

Abstract. The article focuses on the
place and role of migrant children in la-
bor migration from Central Asia to Rus-
sia. The concept of “children of migrants”
covers not only those who came with
their parents but also children left be-
hind. We propose to consider the issue
from the theoretical and methodological
perspective of “transnational childhood”.
According to this perspective, children
who grow up and become adult in the
migration social space are active par-
ticipants of the migration process with
their own ideas and plans. The text is
based on the analysis of data from ob-
servations and at least 100 interviews
conducted both with migrants and their
family members at sending countries. All
in all, thirty cases or families with chil-
dren of different ages are investigated.

In the article we investigate socio-eco-
nomic and marital contexts in sending
countries; family communication con-
cerning the children both in sending and
receiving countries; financial and cultural
aspects of this communication; the role
of children in the way things move be-
tween countries as well as in the change
of plans of migrating parents. The article
shows how children “here” and “there”

в движении вещей между странами и миграционных планах их родителей. Показано, как дети «здесь» и «там», также как и их родители, включены во множественные социальные и экономические сети, которые пересекают национальные границы, что создает разнообразие транснациональных практик и коммуникаций: вокруг отношений родителей и детей, родителей и других членов семьи или опекунов. Делается вывод, что дети мигрантов являются не только участниками миграции, но и, проблематизируя свое и родительское положение в различных сферах жизни как промежуточное, создают новые или усиливают существующие транснациональные социальные пространства.

Статья является продолжением текста, первая часть которого посвящена обзору основных теоретико-методологических подходов к изучению детей мигрантов, и опубликована в №4 журнала за 2021 г.

Ключевые слова: дети мигрантов, Средняя Азия, трудовая миграция, транснационализм, транснациональные социальные пространства, транснациональное детство

and their parents are included in multiple social and economic networks across national borders which creates a variety of transnational practices and communications concerning the relationship between parents and children, parents and others family members or guardians. Thus, children of migrants are not just participants in migration. Problematizing their own and parental position in various spheres of life as intermediate, they create new or strengthen existing transnational social spaces.

The text is a continuation of the article, the first part of which is focused on an overview of the major theoretical and methodological approaches to the study of children of migrants. The first part was published in No. 4 (2021).

Keywords: children of migrants, the Central Asia, labor migration, transnationalism, transnational social spaces, transnational childhood

Введение: методология и методы

Исследование места и роли детей в миграции из Средней Азии в Россию основано на анализе полевых материалов научного проекта, посвященного сравнительному изучению трудовых мигрантов и их семей, как в России, так и в странах Средней Азии (Таджикистане, Узбекистане и Кыргызстане)¹. Теоретико-методологическая база: антропологический подход и качественные методы исследования, а также транснациональная перспектива. Единица исследования или кейс — домохозяйство/семья, часть членов которой находится в миграции

¹ Использованы материалы научного проекта «Транснациональные и транслокальные аспекты миграции в современной России» при финансовой поддержке РНФ № 14-18-02149 (2014—2016 гг.) и № 14-18-02149-П (2017—2018 гг.), под рук. С. Н. Абашина.

(в Санкт-Петербурге или в Москве), другая часть — в Таджикистане, Узбекистане и Кыргызстане.

В основе анализа материалы наблюдений, а также данные не менее 100 интервью, как с мигрантами, так и с членами их семей на родине. Всего тридцать кейсов или семей, где есть дети разного возраста: из них в шести — по одному ребенку, в семи — по два, в девяти — по три, в шести — по четыре и в двух — по пяти детей. Количество детей, соответственно, больше в семьях, где средний возраст мигрантов около 40 лет. Меньше детей в неполных семьях и это, как правило, разведенные женщины-мигранты с детьми. Большинство кейсов (17) представлены женатыми мужчинами, чья семья, жена и дети, проживают на родине. Четыре кейса — это разведенные женщины (из Кыргызстана и Таджикистана) и шесть кейсов — семейные, то есть, когда в миграции находятся и муж и жена, пять из них — семьи из Кыргызстана. В 10 кейсах дети какой-то срок находились или находятся вместе с родителями в миграции, в Москве или в Санкт-Петербурге. Семь из них мигранты из Кыргызстана, два — из Таджикистана и один — из Узбекистана. Часть имеют российское гражданство.

Наиболее продолжительный миграционный опыт имеют мигранты из Таджикистана. Средний стаж миграции мужчин — 15—20 лет, миграционный стаж женщин не превышает 10 лет. Средний миграционный стаж мигрантов из Узбекистана — 15 лет, но возрастной разброс больше, чем в таджикских кейсах: есть как неженатые мужчины в возрасте 20—27 лет, так и женатые в возрасте 35—50 лет. У мигрантов из Кыргызстана средний миграционный стаж 8—12 лет.

Дизайн исследования предполагал интервью только с взрослыми членами семьи, поэтому, строго говоря, нет возможности анализировать отношение самих детей к миграции их родителей и к своему участию в миграции. Тем не менее, гайд охватывал все сферы жизни как мигранта, так и членов его/ее семьи, включая отношения с детьми: как мигрант общается с детьми; в решении каких вопросов относительно ребенка принимает участие; кто из детей и при каких обстоятельствах привозится в миграцию; как миграция родителей и миграция вместе с родителями влияет на ребенка; как выстраивается взаимодействие с опекунами детей, когда в миграции оба родителя и т. п. Поскольку проект реализовывался на протяжении пяти лет, в течение которых с одной и той же семьей мигранта проводилось несколько интервью, мы имеем возможность проследить, как менялись эти отношения со временем, как изменение состава семьи, появление новых детей и взросление старших взаимодействовало с миграционными проектами родителей, а иногда и определяло их, создавая в том числе новые транснациональные социальные пространства.

Социально-экономические и брачно-семейные контексты в отправляющей стране

Планы и стратегии трудовых мигрантов, как правило, обусловлены конкретными житейскими планами, основная цель которых — повышение благосостояния и благополучия семьи. Помимо этого, для многих среднеазиатских мигрантов принципиально важно соблюдать основные обряды «ритуальной экономики» [Ikhamov, 2013: 259—284], что является одним из выталкивающих факторов

и мотивов трудовой миграции, цель которой — финансово обеспечить множество этапов жизненного цикла как отдельных членов, так и семьи в целом, включая расширенную семью. Трудовые мигранты встроены в транснациональную семейную сеть, которая формируется в том числе с помощью постоянных переговоров между мигрирующими и немигрирующими членами по поводу различных семейных событий и мероприятий. Значительная часть этих переговоров происходит по поводу детей, которые играют одну из центральных ролей как при принятии решения о миграции, так и в последующих планах семьи, формируют характер и ход миграционных траекторий и опытов семей мигрантов.

Наши информанты — преимущественно сельские жители, за исключением нескольких семей, проживающих в городах Душанбе и Худжанд. Во многих случаях, особенно когда речь идет о таджикских и узбекских кейсах, мигрант-мужчина представляет расширенную семью: жена и дети обычно проживают в родительской семье мужчины, пока не переедут в собственный дом. Совместное проживание, с точки зрения организации условий жизни детей и их воспитания, имеет свои плюсы и минусы. Жена одного из наших информантов вспоминает, что во время миграции мужа она с детьми жила в своей квартире, без других родственников, и ей было очень сложно заботиться о детях:

Идешь на работу, с работы уставшая. Воспитывать детей одной, весь день на работе, а ребенок сам по себе. Запирала их дома и уходила на работу, просила соседей изредка... (Кейс 14, жена мигранта)

Но чаще сельские женщины не работают, занимаются детьми и хозяйством. Помимо этого, при совместном проживании в расширенной семье забота о ребенке может перераспределяться и на других членов семьи. Помогают и подрастающие дети, как в семье мигранта из Узбекистана, в которой «старшая дочь во время каникул помогает мотыжить, но в основном по дому — убирает, моет посуду, готовит» (кейс 17, жена мигранта). В городских условиях также возможно проживание в одной квартире расширенной семьи.

Помимо социально-экономических условий, дети и детство мигрантов из Средней Азии вписаны в традиционный национальный контекст брачно-семейных отношений. Он характеризуется определенным гендерным порядком и культурными особенностями, которые являются своего рода синтезом патриархальной структуры, организующей приватную жизнь мужчин и женщин на протяжении столетий досоветского периода, советской модернизации этой структуры и дальнейшей трансформации брачно-семейных отношений в постсоветский период под влиянием ретрадиционализации. Огромное влияние на трансформацию семейно-брачного поведения оказывает и трудовая миграция, приводящая к появлению нового типа брака, который некоторые исследователи характеризуют как «удаленный» [Барсукова, Часовская, 2016; Касымова, 2007; Касымова, 2020].

Эта гибридность характерна для многих транснациональных практик на разных этапах семейно-брачных отношений в семьях мигрантов. Например, уже общепринятой практикой считается, что, когда мужчина находится в трудовой миграции, решением о подходящем времени для женитьбы, подбором невесты, организаци-

ей свадьбы традиционно занимается мать и/или старшие родственницы мигранта. После свадьбы мужчина остается дома, как правило, еще от одного до нескольких месяцев, иногда и дольше, и снова уезжает в миграцию, возвращаясь, зачастую, уже после рождения ребенка.

Они жили вместе 3—4 дня после свадьбы, потом улетел, ... вернулся, а его ребенку уже 9 месяцев. Муж на протяжении трех лет их совместной жизни... был с ней два раза по неделе. (Кейс 10, мигрант)

Первая дочка родилась, увидел, и в Москву уехал. Планировали вторую и снова в Москву пришел. У нас такое: если женишься, через год не будет у тебя сына или дочка, здесь такие слова говорят...о-о-о...без детей ... (Кейс 8, мигрант)

Свое влияние на атмосферу в семье, и, следовательно, на условия жизни детей оказывают отношения между младшими и старшими, между женщинами и мужчинами, между невестками и свекровью, которые также детерминированы традиционными нормами. В некоторых семьях для поддержания микроклимата в семье решающими являются отношения между невесткой и свекровью, что особенно важно, когда мужчина отсутствует большую часть года. Так, в одном из таджикских кейсов для снятия эмоционального напряжения в семье мать мигранта выработала свою систему взаимодействия с невестками:

... Смотрю, как они [жены сыновей] быют своих детей, кричат на них, говорят некрасивые слова в их адрес. Затем говорят, что я устала, можно я пойду, проведу своих родственников, я соглашаюсь. Вот таким способом я успокаиваю их. (Кейс 21, мать мигранта)

В другом таджикском кейсе свекровь, наоборот, поспособствовала разводу сына, из-за чего спустя некоторое время невестка была вынуждена уехать в трудовую миграцию. В результате в уязвимом положении оказалась не только женщина, но и ее восьмилетний сын, оставшийся на попечении ее родителей.

Трудовая миграция сопровождается многими сложностями, но женщины-мигранты, особенно молодые и разведенные, в целом находятся в еще более уязвимом положении, чем мужчины. Это происходит не только из-за нарушения их трудовых прав, но и из-за патриархального уклада на родине, который распространяется и на отношения между мигрантами разного пола в России [Поletaев, 2018a], что частично сказывается и на положении детей женщин-мигрантов, поскольку материальные и эмоциональные условия их жизни, согласно данным нашего исследования, значительно хуже, чем когда в миграции находится мужчина. Кроме того, уровень заработной платы женщин-мигрантов в среднем ниже, чем у мужчин. Иными словами, матери-мигранты несут двойную и материальную и психологическую нагрузку: они и кормильцы, и воспитатели [Hondagneu-Sotelo, 1997; Bargłowski, Pustulka, 2018], и активные мигранты и транснациональные матери [Discu, 2018]. Это, с одной стороны, приводит к «кризису заботы», с другой, к росту значимости участия мужчин в домашнем хозяйстве и воспитании детей в отправляющих мигрантов обществах [Parreñas, 2005b; Cebotari, 2018].

Транснациональная коммуникация по поводу детей мигрантов в стране иммиграции

Можно выделить два основных набора транснациональных практик связанных с детьми мигрантов: в зависимости от того, мигрируют дети вместе с родителями или же находятся на родине. В отношении последних в англоязычных текстах чаще всего используется термины «оставшиеся» («stayers») и «оставленные» дети («left-behind») [Huijsmans, 2011: 1307]. Условия жизни оставшихся детей, их благополучие, в значительной степени зависят от того, с кем из членов семьи остается ребенок. Здесь, как правило, три варианта: ребенок находится с матерью, когда в миграции отец; ребенок чаще всего проживает с родителями мигранта, либо с кем-то из родственников, когда в миграции мать, как правило, разведенная; ребенок остается на попечении опекуна, которым становятся либо родители, либо другие родственниками мигранта, когда в миграции оба родителя.

В большинстве случаев в миграции находится мужчина, основная доля приходится на переселенцев из Таджикистана и Узбекистана. Поэтому в таких семьях основная коммуникация относительно детей, удовлетворения их потребностей и воспитания между мигрирующим и немигрирующим членом семьи поверх границ сосредотачивается на переговорах между мужем и женой. При этом большинство мужчин мигрантов признают возросшую нагрузку на своих жен в повседневной заботе о детях. Соответственно, в значительной степени женщиной определяется то, какое отношение у детей формируется к практически постоянно отсутствующему отцу:

...Я всегда говорю им, что отец работает ради вас. Даже не живет со мной. Только чтоб детям хорошие условия, чтобы, когда они стали взрослыми, на счету по 4—5 тысяч должен поставить банк. (Кейс 16, жена мигранта)

В расширенных узбекских и таджикских семьях помимо матери часть воспитательных обязанностей и заботы берут на себя бабушки и дедушки. Часто это выглядит так, как в рассказе мужчины мигранта из Таджикистана:

Мы живем в одном доме. Я своими родителями довольный. Они смотрят за моими детьми, как за своими. Сейчас мама приехала к родственникам на свадьбу в город. Она забрала дочку с собой, чтобы жене легче было с двумя возиться. Отец моим сыном занимается, чтобы он хорошо учился. (Кейс 6, мигрант)

И даже если семья мигранта проживает отдельно от старшего поколения или других родственников, со стороны них всегда есть дополнительный контроль и забота о детях. Как, например, в семье мигранта из Узбекистана, который регулярно созванивается со своими сестрами и односельчанами-друзьями по поводу того, что происходит у его старших сыновей.

Когда дети остаются на попечении родственников, складывается свой набор транснациональных практик, дополнительно включающий переговоры по поводу распределения ролей и обязанностей между мигрантом и опекуном. Среди анализируемых кейсов данная ситуация характерна прежде всего для мигрантов

из Кыргызстана, поскольку среди них выше доля женской и семейной миграции. Детей принято оставлять на попечении родителей мужчины и, только в случае отсутствия таковых или недостаточных материальных условий, дети остаются у родителей или родственников женщины. При отсутствии прямых старших родственников по обеим сторонам ребенок остается у тех, с кем родителям удается договориться о приемлемых для всех участников условиях.

Подобные переговоры поверх национальных границ часто становятся компромиссом, основанном как на правилах межличностного общения в конкретной семье, так и на принятых в обществе нормах распределения семейных ролей и обязанностей. Например, у В., женщины из Кыргызстана, права и обязанности умерших родителей по отношению к младшим братьям и сестрам взяла на себя старшая сестра. Соответственно, двое сыновей мигранта какое-то время жили со своей тетей, но после гибели младшего ребенка и отъезда в скором времени и этой сестры в миграцию, семейным решением мальчика оставили в семье брата (кейс 25, мигрант). В другом кейсе женщина уехала к мужу в Москву, когда младшему сыну было несколько месяцев. Мальчика было решено оставить у бабушки по женской линии, а не, как принято, по мужской, потому что корова, молоком которой кормили ребенка, была только у матери мигранта. Старшая дочка в этот период оставалась со второй бабушкой. В настоящее время, хотя дети живут у бабушки по материнской линии, основной опекун — совершеннолетний племянник женщины-мигранта, который занимается всеми вопросами: от материального обеспечения детей и взаимодействия с учителями до организации досуга (кейс 23, мигрант).

Часть обязанностей родителей, в том числе по воспитанию, иногда берут на себя старшие дети. В семье Т. оба родителя вместе с двумя сыновьями находятся в миграции в Москве, а старший и младший сыновья — в Кыргызстане. Младший сын-школьник живет с бабушкой, которая, в силу возраста, по семейному решению часть своих обязанностей по уходу передала старшему совершеннолетнему внуку. Тем не менее все вопросы, касающиеся младшего ребенка, обсуждаются через Москву. Как рассказывает старший сын:

Родители информируют меня. Все свои потребности братишка пишет (или звонит) маме... мама пересылает мне. И я, по мере возможности, выполняю. Например, он пишет, что ему нужна одежда и просит маму, чтобы на базар с ним пошел я, а не бабушка. Слежу за его поведением... (Кейс 22, мигрант)

Жизнь на расстоянии приводит к формированию особых посреднических воспитательных практик. Например, жена звонит мужу и просит поговорить с детьми, потому что ее они не слушаются, и только слова отца рассматриваются как последний и авторитетный аргумент. Обычно это выглядит следующим образом:

Жена звонит, Р.: поговори с ним [сыном], взрослеет, у него переходный возраст, начинает поздно домой приходить. Старшему звоню, не ругал. Издалека заходишь: Сына, как дела? Туда-сюда. Как по учебе? Он рассказывает. (Кейс 5, мигрант)

Нередко, отцы или оба родителя, находящиеся в миграции, желают сами заниматься школьными вопросами и поэтому стараются общаться с учителями напрямую. Как, например, в семье мигранта из Таджикистана, который каждый месяц звонит директору школы и спрашивает, «как они учатся, мои дети, если что-то не так, потом ругаюсь» (кейс 2, мигрант). Тем не менее основная нагрузка ложится на матерей и опекунов, и не только потому, что у них больше возможностей взаимодействовать со школой на регулярной основе лицом к лицу, но и потому, что, по выражению одной из информанток, «менталитет такой» не позволяет учителям расстраивать родителей. В этом случае успеваемость оставленных детей в значительной степени зависит от опекуна, от доверия между опекуном и мигрантом, от принятых в семье моделей общения, даже от личных качеств участников взаимодействия. Например, одна из опекунов, по просьбе матери мальчика,

... Не стала его контролировать, а у него в дневнике три-четыре двойки появились, уроки не стал делать, поведение начало меняться... на свой страх обратно занялась им, стала контролировать, пошло на пользу, пятерки появились... взялась за него, на родительские собрания хожу. (Кейс 25, опекун)

Выстраивание общения поверх государственных границ облегчается современными информационно-коммуникационными технологиями, изучению роли которых посвящено множество миграционных исследований [Olwig, 1999; Parreñas, 2005a; Tyrrell, 2015; Wilding, 2006; Борисова, 2016]. Материалы нашего проекта также демонстрируют значение средств мобильной связи и интернета во взаимодействии между мигрирующими и немигрирующими членами семьи, между родителями и детьми, родителями и опекунами. Выражение, «если так еще будет, то папа придет, я ему все скажу» (кейс 8, мигрант), часто используется женами мигрантов как воспитательный инструмент: как наказания, так и поощрения детей. Точно также и дети используют угрозу обратиться к отцу по телефону как способ взаимодействия с матерью или братьями и сестрами. «Иногда дочка с кем-то ругается, сразу говорит — позвони папе. С ней поговорю. Она сразу жалуется, телефон у мамы берет (кейс 7, мигрант).

Поскольку многие мигранты осознают, что воспитание на расстоянии имеет свои особенности и требует иного подхода, чем воспитание при личном взаимодействии, они, как правило, менее требовательны к детям. Анализ интервью демонстрирует актуальность типологии Грэхема с соавторами относительно роли современных мобильных технологий в поддержании семейных отношений в транснациональном социальном пространстве [Graham and al., 2012], а именно: создание ощущения совместного присутствия для родителей и детей; построение воображаемых взаимосвязанных отношений между членами семьи; продвижение коллективной и культурной самобытности в пространственно-временном контексте.

Транснациональная коммуникация по поводу детей вместе с родителями в миграции

В миграции с детьми оценочно находится примерно пятая часть мигрантов — как правило, семейные пары. Из 25 исследуемых нами семей в миграции находи-

лись или находятся вместе с детьми 10. Семь из них — мигранты из Кыргызстана, три — из Таджикистана. Вокруг детей в миграции формируются свои транснациональные практики и коммуникации, которые определяются в том числе и тем, кто из детей и в каком возрасте оказывается в миграции вместе с родителями, а также, как долго ребенок находится в России.

Ключевые условия для принятия решения привезти ребенка в Россию, особенно на длительный срок, — устойчивое по самоощущениям финансовое положение и подходящие жилищные условия мигрантов. Родителями, конечно, движут не только рациональные мотивы, но и обоюдное желание быть вместе. Например, женщина-мигрант из Кыргызстана приняла решение привезти детей-дошкольников в Москву, полагая, что совместное проживание с детьми укрепит семью, улучшит отношения с мужем. Работая уборщицей, она в течение года откладывала большую часть денег на съем отдельной квартиры. Почти полтора года сын и дочь жили и ходили в садик в Москве, но это не спасло брак. Детей отправили в Кыргызстан, в том числе потому, что то, «что они [мигранты] зарабатывали, уходило на детсад, и на их расходы», а не на накопления для покупки жилья, что и было основной целью миграции (кейс 23, опекун).

В другом кейсе родители решили привезти сына школьника в Москву по нескольким причинам: во-первых, мать мигранта в силу возраста уже не могла заботиться о внуке; во-вторых, мальчик меньше остальных братьев имел опыт совместной жизни с родителями, что отрицательно влияло на его развитие. Сначала мальчик находился в Москве два месяца, а затем почти год, в течение которого он не учился в школе, поскольку родители не смогли собрать все необходимые документы. На их взгляд, это было меньшей потерей, чем, если бы мальчик в подростковом возрасте оставался без присмотра:

... Потому что у нас везде, если родители не воспитывают своего ребенка, он или она может хулиганить, курить, попьет, пусть лучше не учится, будет с нами. (Кейс 22, мигрант)

Ненадлежащий, по мнению родителей-мигрантов, уход за детьми со стороны опекунов стал одной из основных причин решения забрать троих сыновей в Санкт-Петербург еще в одной семье из Кыргызстана (кейс 28, мигранты).

Конечно, очень важны и персональные качества мигрантов, благодаря которым, исходя из практически равных финансовых и материальных условий, могут приниматься противоположные решения: оставлять детей на родине или взять с собой в Россию. Например, две сестры из Кыргызстана долгое время находятся в миграции в Москве вместе с мужьями, но первая сестра оставила двоих дочерей на попечении своих родителей, а вторая с мужем решили не отправлять сына на родину, поскольку, на их взгляд, «родители [бабушки и дедушки] не смогут в силу возраста [обеспечить] нужное воспитание, их надо кормить, надо два раза готовить» (кейс 27, мигрант). Когда же родился второй ребенок, в помощницы в Москву была приглашена двоюродная сестра, которой семейная пара платила зарплату как няне.

Не всегда мигранты имеют возможность взять с собой всех детей. Как правило, берут одного или двоих, либо берут сначала одного, затем другого. Для подобной

ротации также сложно выделить однозначные сугубо рациональные мотивы, иногда играет роль и желание самого ребенка. В семье мигрантов из Кыргызстана пятеро детей. Сначала привезли старшего сына, которому на тот момент было 6 лет, потому что «он скучает, когда мы звоним, плачет, а старшая дочка не хочет сюда» (кейс 26). Когда его отправили домой, привыкший к жизни вместе с родителями мальчик не слушал бабушку и дедушку, и поэтому его снова забрали в Москву и устроили в школу. Когда материальное положение семьи укрепилось, сняли отдельную квартиру, привезли и старшую дочь. В целом, в этой семье все дети мобильны. Младший ребенок был рожден в Москве и в возрасте нескольких месяцев отправлен со старшей сестрой мигранта в Кыргызстан. Двое старших детей учатся в Москве, а двое младших навещали родителей на каникулах. Причем чаще всего дети путешествуют не с родителями, а в сопровождении родственников или соотечественников. В перспективе А. и Г. планируют воссоединить всю семью в Москве:

Хотим, чтобы дети получили качественное образование и в дальнейшем готовили себя к высшему образованию. А младшие пока здесь начнут начальное образование. За маленьким здесь будем мы присматривать и старшая дочь. А, дальше посмотрим, что время покажет. (Кейс 26, мигрант)

Некоторые мигранты, не имея возможности привезти детей на долгое время, делают это хотя бы на несколько месяцев — как правило, во время летних каникул, но бывает, что и во время учебного года. Так, женщина-мигрант из Кыргызстана организует приезд единственного сына на летние каникулы в Москву уже несколько лет, преследуя две основные цели: дать возможность родственникам, на чьем попечении находится сын, отдохнуть, и себе — возможность побыть вместе с ребенком. Организация летних каникул включает в себя не только покупку билетов себе и сыну туда и обратно, но и подготовку отдельного съемного жилья, и дополнительные финансовые расходы.

Мама, [сын] говорит, надоело, что все за ним смотрят, то тети, то еще кто-то. Два лета был в Москве. Он не хотел в прошлом году ехать. А в этом году... сына, хотя бы мы с тобой три месяца будем видеться, ты рядом со мной будешь, я постараюсь тебе за три месяца дать то воспитание, которое надо будет. (Кейс 25, мигрант)

В отечественных социальных исследованиях достаточно хорошо изучены проблемы, связанные с организацией дошкольного и особенно школьного обустройства и обучения детей, находящихся вместе с родителями в миграции, в первую очередь из перспективы институтов принимающего общества [Макаров, 2010; Полетаев, 2018b; Флоринская, 2012; Александров и др., 2012; Деминцева и др., 2017]. Поэтому коротко остановимся на некоторых личных мотивах и отношении родителей мигрантов к организации образования и досуга детей, живущих с ними в России. Общая мобильность мигрантов и изменчивость их планов определенно влияют и на родительские стратегии в отношении перемещения детей между странами, организации их образования и досуга. Поэтому запланирован-

ный на короткий срок приезд ребенка может растянуться на более долгое время. И складывается ситуация, когда ребенок оказывается без школьного обучения, хотя родители и не ставят под сомнение его необходимость. Например, в двух рассматриваемых нами кыргызских кейсах, дети-школьники были привезены в Москву спонтанно, и в том числе из-за этого родители оказались не готовы к процедуре устройства в школу, особенно не с начала учебного года, в результате чего почти год дети не посещали учебное заведение. В одном из этих случаев девочка также не согласилась пойти в школу, потому что ее брали в класс на год младше.

Поскольку у работающих родителей, как правило, ограниченные ресурсы для занятий с детьми, оказывающиеся в миграции на короткий срок дети большую часть времени проводили дома, в том числе, в интернете и с детьми соседей по квартире, читали книги, в дневное время гуляли во дворе. В свободное время родителей, как правило, раз в неделю, посещали торговые центры либо парки. Однако, в обоих кейсах даже после длительного отсутствия дети смогли вернуться в свой класс в Кыргызстане, не пропустив учебный год. Вероятно, это стало возможным благодаря тому, что, несмотря на все ограниченные ресурсы, родители обращали внимание на развитие детей: «покупали книги на русском языке, задания на планшете, после работы проверяли, что сделал, пересказ прочитанного» (кейс 22, мигрант).

Жизнь то «здесь», то «там», определенно оказывает влияние на развитие детей мигрантов, в частности, создает определенные сложности, особенно для языковой и культурной адаптации. Так, в одной кыргызской семье ребенок год отучился в московской школе, а потом в силу разных причин был отправлен домой. С одной стороны, ему оказалось намного проще остальных детей обучаться русскому языку, с другой — сложнее с предметами на кыргызском языке. В другом кейсе дети были привезены в Москву в раннем возрасте, в течение полутора лет находились вместе с родителями, посещали детский сад. По рассказам родственника мигранта, на чьем попечении находятся дети, после возвращения домой они пережили определенный культурный шок:

В первое время им было трудно, долго не могли свыкнуться. Даже когда я их забирал в город к себе, до третьего этажа не хотели подниматься, доставали вопросами, почему нет лифта. (Кейс 23, мигрант)

Конечно, большое значение имеет и в каком возрасте, и на какой срок дети перемещаются между странами. Поэтому даже в одной и той же семье вовлеченность ребенка в миграцию родителей может быть разной, а значит разными будут и скорость, и степень адаптации к новым жизненным условиям. Как правило, чем старше ребенок, оказавшийся в миграции, тем больше времени занимает адаптация (см., например, [Rumbaut, 2004; Portes, Rumbaut, 2001; Portes, Zhou, 1993]).

Материалы проекта демонстрируют, что за пять лет среди участников наблюдается рост числа детей, которые учатся в России и посещают страну иммиграции только на летние каникулы, для того чтобы навестить родственников, бабушек и дедушек. Такие дети, особенно те, кто родился в России или был привезен в раннем возрасте, обычно сталкиваются с языковыми и иногда культурными

сложностями уже при коммуникации с родственниками в стране иммиграции родителей. С другой стороны, они начинают играть роль и посредников, и связующих звеньев между своими укоренившимися родителями-мигрантами и немигрирующими родственниками. Поездки на каникулы вплетаются в повседневность как родителей ребенка, так и старшего поколения, создавая ранее не известные практики, в том числе узнавания нового образа жизни, представлений и правил поведения. В качестве иллюстрации приведем описание впечатлений бабушки от приезда из Москвы в гости в кыргызское село маленького внука:

Когда внуку была 3 годика, они приезжали, и возле ворот в арыке текла вода для полива огородов. Внук вышел и лег в этот арык, подумав, что эта ванна... Настолько они свободные и им не понять, такие вещи, как нельзя, что будет неудобно и т.д. Я Ж. [дочери] сказала, чтобы они были чуть построже с детьми, потому что Д. [внук] вообще свободный, а она сказала, что там так нельзя, если быть построже с детьми, то на это есть закон, запрещающий жестокое обращения с детьми. (Кейс 27, опекун, мать мигранта)

Кроме того, дети мигрантов в России усложняют миграционные потоки между странами, поскольку в них, благодаря детям, оказываются вовлеченными другие члены семьи — не трудовые мигранты: например, юная родственница для помощи маме по уходу за детьми, бабушки или дедушки и другие родственники в качестве сопровождающих несовершеннолетних детей, а также едущие с целью навестить семью мигрантов с детьми.

Финансовые аспекты транснациональной коммуникации по поводу детей

Важно отдельно остановиться на таком направлении коммуникации между мигрирующими и немигрирующими членами семьи поверх границ как переговоры по поводу финансовых вопросов по уходу за ребенком. Есть два основных типа коммуникации: когда дети остаются с одним из родителей, как правило, мамой, и, когда дети остаются с опекуном. В первом случае деньги на ребенка могут распределяться через несколько лиц, то есть, мигрант обычно переводит деньги на расширенную семью, в очень редких случаях на конкретную потребность ребенка, поскольку

...Женщинам что-то надо... они уже к маме обращаются. Она, допустим, едет на рынок или в магазин. Она заранее спрашивает, что тебе надо, твоим детям. Когда она в деревне, зачем ей деньги. Она и сама не просит. (Кейс 3, мигрант)

В расширенных семьях, например, при гибели мигранта пока вдова снова не выйдет замуж, финансирование его семьи, как на родине, так и в России берут на себя родственники погибшего. Так было в одном из рассматриваемых нами кейсов, когда после гибели мигранта-мужчины осталось трое детей от первого брака в России и двое от второго в Таджикистане. Материальную помощь обеим семьям взял на себя младший брат погибшего, также находящийся в миграции. Надо сказать, что двойные (официальные и неофициальные) семьи довольно распространенная практика, особенно среди мигрантов из Таджикистана, в меньшей

степени из Узбекистана, что приводит к комплексу транснациональных коммуникаций между семьями в России и Таджикистане, в первую очередь по поводу детей. Эта тема нашла отражение в нескольких специальных публикациях [Касымова, 2007; Касымова, 2020], но все еще требует отдельного рассмотрения именно из перспективы транснационализма.

От того, с кем из родителей остаются дети, зависит не только направление, но и объем денежных трансфертов. В одном из кейсов, мигрант из Таджикистана, забравший с собой в Санкт-Петербург жену и троих детей, для регистрации и в дальнейшем получения гражданства детьми, купил дом в деревне в Ленинградской области на деньги, взятые его родителями в кредит в банке в Таджикистане. Мигрант погашал долг банку переводами из России (кейс 4, мигрант). В другом кейсе, пока отец семейства работал в Москве, а трое сыновей учились в Худжанде и жили с матерью, в среднем на каждого сына ежемесячно переводилось по пять тысяч рублей. Когда двое старших сыновей вслед за отцом приехали на учебу в Россию, размер ежемесячных переводов уменьшился втрое (кейс 25, мигрант).

Когда дети находятся с родителями в России, снижается не только размер денежных трансфертов, но и иногда пересматривается структура долгосрочных расходов, поскольку у мигранта уменьшается возможность накоплений. По рассказам членов семьи мигрантов из Кыргызстана, именно увеличение повседневных расходов, пока с ними в России находились дети, стало одной из главных причин решения отправить их на родину (кейс 23, мигрант).

Финансовые отношения по уходу за детьми приобретают свою специфику, когда в миграции находятся оба родителя, или, когда родители в разводе и в миграцию уезжает женщина, а дети остаются на попечении родственников. В изученных нами кейсах, как правило, материальная компенсация опекуну не предусматривается, поскольку забота о ребенке рассматривается в соответствии с общепринятой в среднеазиатских обществах нормой поддержания родственных связей и взаимопомощи. Обычно деньги переводятся только на содержание ребенка (покупка вещей, развлечения, и т. п.).

Сколько денег необходимо ребенку на повседневные и крупные покупки, а также непредвиденные расходы, естественно, определяется финансовыми возможностями мигранта и опекуна, степенью близости и доверия между родственниками. Например, в случае женщины из Кыргызстана, заработок которой является единственным источником доходов ее неполной семьи, сын проживает с семьей ее младшего брата. Она оплачивает учебу в турецком лицее и ежемесячно отправляет деньги на личные расходы ребенка, остальные расходы несет семья брата, но крупные покупки всегда компенсирует мигрант. Тем не менее, постоянно возникают и другие дополнительные расходы, и, как решили в этой семье, не всегда опекун согласовывает их с мамой ребенка: «...он [племянник] наш член семьи и не обязательно ждать, когда она [мигрант] нам отправит деньги» (кейс 25, мигрант). Но не у всех опекунов одинаковые финансовые возможности, поэтому, если в силу разных причин у мигранта не получается высылать деньги, материальное обеспечение детей полностью ложится на родственников, что иногда крайне отрицательно сказывается в целом на материальном положении и благополучии детей мигранта.

Культурные аспекты транснациональной коммуникации детей и родителей мигрантов

У народов Средней Азии одним из самых ярких событий в жизни любой семьи являлось и является рождение ребенка и первые годы его жизни, что сопровождается разными ритуалами, многие из которых соблюдаются мигрантами и когда дети находятся вместе с ними в России. Например, в кыргызских семьях, проживающих в России, обязательно проводится праздничная встреча родственников и друзей либо дома, либо в кафе, как правило, кыргызских.

Наиболее важным для каждой мусульманской семьи при рождении мальчика является обряд обрезания, соблюдение которого сопровождается рядом обязательных культурных и религиозных правил. Причем стоимость организации и проведения мероприятий «той», посвященного обрезанию, иногда сопоставима с затратами на обычную свадьбу. Поэтому неудивительно, что многие родители-мигранты делают все возможное, чтобы провести той и в России, где, несмотря на исторически давно существующие мусульманские сообщества, данная традиция не столь распространена и публична. Важность соблюдения этой традиции иллюстрирует рассказ одного из информантов родом из Таджикистана, согласно которому из Узбекистана в Россию регулярно приезжает известный во всей Средней Азии хаджа специально для совершения не только джума², но и обрезания:

...Сейчас в Магнитогорске 200 человек таджикских, башкирских и татарских суннат делал. Он тоже обрезал меня и моего сына будет делать. Сейчас в Москве у кого-то свадьба была, два человека, он приехал — обрезал, за большие деньги. Сейчас здесь богатые есть. Этот человек вот на рынок обычный зайдет, его половина рынка знают. В Узбекистане тоже Коканд, Самарканд, Бухара — все знают его. (Кейс 18, мигрант)

Другая, уже укоренившаяся в Москве, семья из Кыргызстана выбрала вариант проведения обряда обрезания старшего сына на родине. Для главы семьи, российского гражданина, принципиально важным было организовать той не хуже, чем у своих московских друзей, также родом из Кыргызстана. Было решено совместить празднование по поводу той³ и новоселья в новом доме мигрантов на родине. Подготовка к событию заняла почти год и вовлекла членов семей как со стороны мужа, так и жены, родственников из других районов Кыргызстана и городов России. По словам бабушки, матери жены, подготовка к мероприятию потребовала заметных временных и финансовых ресурсов:

Мы как родители Ж., должны жеребенка нарядить и повести, «сарпай», 10 тушаков и подушки для нового дома, койка внуку, где он должен лежать после обрезания, и т. д., все приготовили. Ж., узнав, что нужно делать такие расходы, хотела уговорить мужа от такой роскоши, но зять сказал, что он мечтает об этом, и его сын будет кататься на таком жеребенке. (Кейс 25, мать мигранта)

² Джума — обязательная пятничная коллективная молитва у мусульман.

³ Той, туй — название праздника у тюркоязычных народов, чаще всего по поводу свадьбы или обрезания.

Между продолжительностью миграции и интересом к культуре и истории своего народа прослеживается определенная связь, достаточно хорошо изученная в зарубежных миграционных исследованиях, в частности, посвященных интеграции в принимающей стране, роли и месту в этом разных поколений мигрантов. Принято считать, что сила и доля транснациональных связей уменьшаются по мере увеличения времени пребывания. С другой стороны, благодаря современным информационно-коммуникативным технологиям, эти связи, наоборот, могут усиливаться, при этом совсем не препятствуя интеграции [Vathi, 2009]. Эту закономерность хорошо иллюстрирует кейс семьи из Таджикистана. Глава семьи Б. начал трудовую миграцию в 1995 г. В настоящее время он гражданин России, трое детей от второго брака живут вместе с ним в Санкт-Петербурге. Семья планирует свое будущее в России. По словам Б., для него принципиально важно, чтобы его дети имели представление о таджикской культуре:

У меня дочка от русской жены... когда я с ней общаюсь по Интернету, открываю Таджикистан, чтобы она увидела, чтобы ей было интересно. Персидская культура — очень богатая культура, и детям даю знать, чтобы они отсюда брали и оттуда брали. (Кейс 12, мигрант)

Этот вопрос часто является частью отдельного более обширного вопроса: как миграция родителей и детей мигрантов (как остающихся дома, так и, прежде всего, мигрирующих вместе с родителями) влияет не только на идентификацию детей, но зачастую и на идентификацию их родителей.

Дети мигрантов и движение вещей между странами

Трудовая миграция влияет на повседневность всей семьи, в том числе на образ жизни и вещную среду, а также на движение вещей между странами, разнообразие которого во многом определяется детьми мигрантов как «там», так и «здесь» их потребностями и интересами. Одна из существенных и объемных составляющих движения вещей из России в страны Средней Азии — подарки детям. Конечно, для ребенка приезд родителя важен сам по себе, но это также и повод получить подарок. Привозятся, прежде всего, игрушки и детская одежда: «дочке велосипед купил, игрушки, бассейн... с насосом, большой... джинсы, одежду» (кейс 6, мигрант); «детям направил книги, раскраски на русском языке, чтобы они читали» (кейс 7, мигрант); «...из Москвы привез дочерям одежду хорошего качества, сыновьям... магнитофон с колонками» (кейс 17, мигрант) и т. п. Обязательно привозятся сладости — шоколадки, шоколадные конфеты: «дорогие, которые они там не могут себе позволить» (кейс 16, мигрант).

Как для родителей-мигрантов, так и для их детей бывает принципиально важным, чтобы вещи были российского производства. У одного информанта родом из Узбекистана дети двойняшки пошли в первый класс русской школы, и все школьные принадлежности отец привез из Москвы: «они же у меня в русской школе учатся... хвастаются, даже, оказывается, ихняя учительница похвалила, что у них хорошие тетради» (кейс 16, мигрант). В другом кейсе для детей женщины-мигранта из Кыргызстана российские вещи определенных брендов ценны,

поскольку вызывают ностальгические ассоциации с тем временем, когда они жили с матерью в Москве. Поэтому мама отправляет на родину не только одежду, но и то, «что дети ели в Москве: Агушу, соки и т. д. Наверное, дети ей заказывают, и она, по мере возможности, передает» (кейс 16, мигрант).

В последние годы некоторые мигранты предпочитают покупать подарки детям уже на родине, поскольку это и проще, и дешевле, но и для мигранта, и для ребенка, важно, что отсутствующий родитель возвращается домой не с пустыми руками. Подобные подарки для ребенка имеют не только утилитарное, но и символическое значение. Они в определенной степени компенсируют долгую физическую разлуку, придают смысл и вес жизни на расстоянии. Ярko эти эмоции переданы в рассказе девушки из Кыргызстана (не включен в кейсы, т. к. у нее нет детей), которой было несколько лет, когда ее мать впервые уехала на работу в Россию. Она помнит, что мама привозила с собой, когда возвращалась из России: «кучу-кучу книг, такие оригинальные, откроешь, и там встает. Очень хорошие вещи, одежды... шоколада, очень много были таких подарков». Таким образом, подарки детям мигрантами родителями и сам процесс дарения имеют множественные смыслы — в частности, служат поводом и предметом коммуникации между родителями и детьми на расстоянии, играют заметную роль в сохранении близости, в воспроизводстве общих привычных значений, а также в создании новых культурных смыслов.

В одной из семей из Кыргызстана пятый ребенок, в отличие от старших сестер и братьев, родился в Москве. Из родильного дома мальчик был привезен в московскую съемную квартиру, куда с родины мигранта доставили традиционную деревянную колыбель бишек, в которой выросли не только все предыдущие дети, но и братья и сестры мигранта. Рассказывает, что «хотела здесь [в Москве] купить. А здесь в интернете посмотрели — 15 тысяч стоит колыбель. Потом решила оттуда сюда привезти. Потом надо отсюда отправлять, как годик будет, после этого» (кейс 26, мигрант).

Это пример обратного транснационального движения вещей: из семьи мигранта в Средней Азии в его семью в России. Оно также структурируется по тому, какой эмоциональный и социальный смысл адресат и отправитель вкладывают в конкретную вещь, и, представляется, что, помимо поддержания близости, основная характеристика этого потока — утилитарность. Встречаются и весьма неожиданные предметы в этом движении вещей. По словам женщины из Таджикистана, чьи два старших сына находятся вместе с отцом в Москве, она несколько раз отправляла им средства контрацепции барьерного типа:

Племянница работала в международной организации, у них гуманитарная помощь приходит сюда в этих коробках. Эти презервативы, я даже им вот отправляю, чтобы без всяких они это... Я им беру, чтоб они лишние деньги не тратили. В этот раз они одну коробку поделили на двоих, уехали. (Кейс 5, мигрант)

Дети и миграционные планы

Дети — одна из важнейших традиционных ценностей среднеазиатской семьи, и пока нет достоверных исследований о том, что миграция каким-то образом повлияла на это. Хотя очевидно, что появление детей влияет на миграционные тра-

ектории не только женщины, но и семьи в целом, заставляя пересмотреть расходы и распределение функциональных обязанностей между членами расширенной семьи, сроки их возвращения на родину, перемещения между странами и т. п. Так, в семье Г. и А. уже длительное время работающих в Москве, пятеро детей (кейс 26). Начиная с первого ребенка, женщина, забеременев, возвращалась домой. Через несколько месяцев после родов снова приезжала в Москву, оставив детей на попечении своих родителей. Пятого ребенка по решению семейной пары было решено рожать в Москве. Одна из веских причин была в том, что к этому моменту семья считала свое материальное положение достаточно стабильным — в частности, снимала отдельную однокомнатную квартиру. Появление пятого способствовало также тому, что семья решила привезти в Москву еще одного своего ребенка, поскольку женщина собиралась какое-то время после родов находиться дома с новорожденным, а, значит, могла уделять время и нескольким детям. На вопрос, как решились на пятого ребенка, отвечает:

Случайно, тоже в шоке осталась. У нас на работе не оформляют декрет. Сейчас никто не знает, если узнают, сразу уволят. Беременной нельзя работать. Средства... сильные химические на уборке. У меня пока планы здесь, квартиру снимаем, рожаю, все вместе жить здесь. Пока все равно два-три года детьми занимаемся. (Кейс 26, мигранты)

Г. работала до 28 декабря, а 1 января родила и через несколько месяцев вышла на работу, оставив ребенка под присмотром старшей сестры, проживавшей с ними в одной квартире и временно неработающей. В другой семье из Кыргызстана планировалось, что три дочери остаются на попечении матери мужчины, а оба родителя отправляются в трудовую миграцию в Москву, но женщина оказалась «вдруг беременная и еще ... в «черном списке»⁴, поэтому не могла со мной поехать» (кейс 24, мигрант).

Наличие детей, их количество, возраст, место проживания (на родине или в России), попечитель также влияют на миграционные планы. Так, в одной расширенной семье из Таджикистана, возраст детей братьев-мигрантов повлиял на решение о том, кто из братьев работает в России, поскольку в горных районах республики особенно важно, чтобы в семье оставался хотя бы один мужчина.

У него [брата] дети большие. В школу ходят. А у меня еще не ходят. А, когда брат в Душанбе уедет, в свою квартиру, дома никто мужчина не будет. Там женщины, что будут делать. Большой огород. Четыре коровы. 30 бараны, козы. Как можно с детьми маленькие. По любому придется вернуться. (Кейс 3, мигрант)

В среднеазиатских семьях дети считаются несамостоятельными до тех пор, пока не создадут собственную семью. Причем во многих случаях это право и ответственность в первую очередь родителей. Формулируя свои жизненные и в том числе миграционные планы, большинство мигрантов — участников нашего исследования подчиняют их обязанности родить ребенка, дать ему/ей образование,

⁴ Перечень нарушителей миграционных правил, которым запрещены въезд и пребывание в стране.

подготовить приданое, найти невесту или жениха и провести свадьбу. Каждый из этих жизненных этапов наполнен своими последовательностями, правами, финансовыми и моральными обязанностями, ритуалами. Поэтому, говоря о детях мигрантов, следует иметь в виду, что речь идет не только о младенцах, дошкольниках или школьниках. Иными словами, дети продолжают занимать заметное место в миграционных планах их родителей и после своего совершеннолетия.

Взрослые дети мигранта, чаще всего сыновья, бывает, вливаются в семейный миграционный проект. Так в семье из Кыргызстана сначала с родителями в Москву приехал старший сын, затем вместо него приехали два других неженатых сына. Один работает поваром, другой, вместе с отцом, — дворником. Согласно семейному решению, это единственная возможность аккумулировать все ресурсы для строительства дома на родине и для женитьбы старших сыновей. Свою роль в решении о распределении обязанностей и перемещении детей между странами играет и представление главы семьи о способностях сыновей. По словам отца, традиционные права и обязанности младшего сына в их семье он передаст третьему, предпоследнему сыну, который останется в родительском доме, чтобы заниматься сельским хозяйством и заботиться о пожилых родителях в будущем. А более способного четвертого сына отец планирует поддержать в получении высшего образования — это значит, что скорее всего, тот уже не вернется в село (кейс 22, мигранты).

Тем не менее не все семьи выбирают подобную стратегию. Обращаясь к своему опыту, некоторые родители-мигранты категорически против того, чтобы выросшие дети повторяли их путь, даже если молодые люди сами этого желают: *«когда он [сын] хотел работать в России, мы не разрешили. Д. закончил учебу, сейчас работает, т. е. набирается опыта»* (кейс 29, мигрант). В семье из Узбекистана, мужчина, находящийся в трудовой миграции с 2011 г., забрал с собой в Москву старшего сына, который не знал, куда пойти учиться после школы. Сначала молодой человек работал лифтером, а затем отец специально перевел его в дворники, чтобы он *«отказался здесь от работы, поехал учиться, потом он это понял сам, что не хочет всю жизнь работать дворником»*. И, следует сказать, что тактика отца возымела свое действие, — через год сын вернулся в Узбекистан, поступил в институт и не планирует миграцию в России (кейс 16, мигрант).

Во многих случаях планирование будущего детей определяет долгосрочную перспективу и мигранта, и всей семьи. Так, мигрант — глава семьи из Таджикистана принимает решение, что его сын будет учиться в школе не в кишлаке, а в городе, и в решение этого вопроса вовлекаются члены его расширенной семьи, иногда не только на родине, но и в России (кейс 6, мигрант). В другом примере, десятилетний миграционный опыт глав семей из Худжанда послужил обоснованием того, что их старшие дети получили высшее образование в России: *«если бы папы не было бы, ничего бы не было, ни А. [первый сын] туда не поехал бы, ни С. [второй сын] не уехал бы, и моя жизнь бы тоже [не изменилась]...»* (кейс 5, мигрант). Еще в одном кейсе отец семейства из Таджикистана объясняет свое намерение остаться с семьей в Санкт-Петербурге тем, что российское школьное образование увеличит шансы его детей *«добиться в своей жизни чего-то великого, ...потому что Таджикистан страна маленькая, и там восточный образ жизни...»* (кейс 12,

мигрант). А это, в свою очередь, по его планам, позволит попытаться получить высшее образование и работу в других странах.

Заключение

Подводя итоги исследованию места и роли детей в миграции из Средней Азии в Россию еще раз отметим, что существенная доля переговоров между мигрирующими и немигрирующими членами семей трудовых мигрантов происходит по поводу детей, которые играют одну из центральных ролей как при принятии решения о миграции, так и в последующих планах семьи, формируют характер и ход миграционных траекторий и опытов семей мигрантов. Возникает два основных набора транснациональных практик, связанных с детьми мигрантов: в зависимости от того, мигрируют ли они вместе с родителями или остаются на родине. Каждый из них включает свои транснациональные коммуникации по поводу финансовых, материальных, воспитательных, культурных и образовательных вопросов.

Причем родительские стратегии в отношении перемещения детей, организации их образования, досуга и долгосрочных планов в заметной степени определяет такая особенность современных мигрантов, как мобильность: как с точки зрения физического движения между странами, так и изменчивости планов. Большое значение имеет в каком возрасте и на какой срок дети перемещаются между странами. Даже в одной и той же семье вовлеченность ребенка в миграцию родителей может быть разной, а, значит, разными будут и скорость, и степень адаптации к новым жизненным условиям, а также включенность в транснациональную коммуникацию.

Жизнь на расстоянии приводит к формированию особых посреднических транснациональных воспитательных практик. Огромную роль в этом играют современные технологии, благодаря которым дети, независимо от того, мигрируют они с родителями или нет, становятся связующим звеном между людьми, местами, языками и идентичностями. Проблематизируя свое и родительское положение в различных сферах жизни как промежуточное, они создают новые или усиливают и усложняют существующие транснациональные социальные пространства. Таким образом, дети «здесь» и «там» являются не просто участниками миграции, но и социальными, эмоциональными и экономическими «опорами» миграционных домохозяйств [Orellana et al., 2001; Olwig, 1999; Huijsmans, 2011].

Список литературы (References)

- Александров Д., Иванюшина В., Костенко В., Савельева С., Тенишева К. Положение детей мигрантов в Санкт-Петербурге. М.: Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ). 2012.
Alexandrov D., Ivanyushina V., Kostenko V., Savelyeva S., Tenisheva K. (2012) The State of Children of Migrants in Sankt-Petersburg. Moscow: United Nations Children's Fund (UNICEF).
- Барсукова Т., Часовская Л. Трансформация семейно-брачного поведения трудовых мигрантов // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 7. С. 7—12.
Barsukova T., Chasovskaya L. (2016) Transformation of Family and Marriage Behavior of Labor Migrants. *Society: Sociology, Psychology, and Pedagogy*. No. 7. P. 7—12.

Борисова Е. Родительство на расстоянии: транснациональные практики в семьях мигрантов из Таджикистана // Антропологический форум. 2016. № 28. С. 228—245. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/028/borisova.pdf> (дата обращения: 27.10.2021).

Borisova E. (2016) Parenthood at a Distance: Transnational Practices in Families of Migrants from Tajikistan. *Anthropological Forum*. No. 28. P. 228—245. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/028/borisova.pdf> (accessed: 27.10.2021). (In Russ.)

Деминцева Е., Зеленова Д., Космидис Е., Опарин Д. Возможности адаптации детей мигрантов в школах Москвы и Подмоскovie // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 4. С. 80—109. <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i4.7529>. Demintseva E., Zelenova D., Kosmidis E., Oparin D. (2017) Adaptation Possibilities of Children of Migrants in Schools of Moscow and Moscow Region. *Demographic Review*. Vol. 4. No. 4. P. 80—109. <https://doi.org/10.17323/demreview.v4i4.7529>. (In Russ.)

Касымова С. Трансформация гендерного порядка в таджикском обществе. Душанбе: Ирфон. 2007.

Kasymova S. (2007) Transformation of the Gender Order in the Tajik Society. Dushanbe: Irfon.

Касымова С. Гендерные аспекты миграционных процессов в Таджикистане: вызовы времени и варианты выбора. Душанбе: Ирфон. 2020.

Kasymova S. (2020) Gender Aspects of Migration Processes in Tajikistan: Time Challenges and Options. Dushanbe: Irfon.

Макаров А. Особенности этнокультурной адаптации детей мигрантов в московских школах // Социологические исследования. 2010. № 8. С. 94—101. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-8/Makarov_13.pdf (дата обращения: 27.10.2021).

Makarov A. (2010) Particular Qualities of Ethno-Cultural Adaptation of Children of Migrant in Moscow Schools. *Sociological Studies*. No. 8. P. 94—101. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-8/Makarov_13.pdf (accessed: 27.10.2021). (In Russ.)

Флоринская Ю. Дети мигрантов в России: доступ к образованию и медицине // Демоскоп Weekly. 2012. № 515—516. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0515/analit02.php> (дата обращения: 27.10.2021).

Florinskaya Yu. (2012) Children of Migrants in Russia: Access to Education and Medicine. *Demoscope Weekly*. No. 515—516. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0515/analit02.php> (accessed: 27.11.2021). (In Russ.)

Полетаев Д. Женская трудовая миграция из Таджикистана и Киргизии в Россию // Народонаселение. 2018а. Т. 21. № 4. С. 68—78. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population/article/view/6378> (дата обращения: 27.10.2021).

Poletayev D. (2018a) Female Labor Migration from Tajikistan and Kyrgyzstan to Russia. *Population*. Vol. 21. No. 4. P. 68—78. URL: <https://www.jour.fnisc.ru/index.php/population/article/view/6378> (accessed: 27.11.2021). (In Russ.)

- Полетаев Д. В. Интеграция детей иностранцев в России на примере Москвы // Интеграция и адаптация мигрантов и беженцев в России. Сборник материалов. СПб. 2018b. С. 97—109. URL: http://www.spbredcross.org/images/pr_grant/Sbornik-materialov-28.01.19.pdf (дата обращения: 27.10.2021).
- Poletayev D. V. (2018b) Integration of Children of Foreigners in Russia on the Example of Moscow. In: *Integration and Adaptation of Migrants and Refugees in Russia. Collection of Materials*. Saint Petersburg. P. 97—109. URL: http://www.spbredcross.org/images/pr_grant/Sbornik-materialov-28.01.19.pdf (accessed: 27.11.2021). (In Russ.)
- Barglowski K., Pustulka P. (2018) Tightening Early Childcare Choices—Gender and Social Class Inequalities among Polish Mothers in Germany and the UK. *Comparative Migration Studies*. Vol. 6. No. 1. <https://doi.org/10.1186/s40878-018-0102-6>.
- Cebotari V. (2018) Transnational Migration, Gender and Educational Development of Children in Tajikistan. *Global Networks*. Vol. 18. No. 4. <https://doi.org/10.1111/glob.12193>.
- Ducu V. (2018) Afterword: Gender Practices in Transnational Families. In: Ducu V., Nedelcu M., Telegdi-Csetri A. (eds.) *Childhood and Parenting in Transnational Settings*. International Perspectives on Migration, Vol. 15. Cham: Springer. P. 191—204. https://doi.org/10.1007/978-3-319-90942-4_12.
- Graham E., Jordan L. P., Yeoh B.S, Lam T., Asis M., Su-kamdi. (2012) Transnational Families and the Family Nexus: Perspectives of Indonesian and Filipino Children Left Behind by Migrant Parent(s). *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 44. No. 4. P. 793—815. <https://dx.doi.org/10.1068%2Fa4445>.
- Hondagneu-Sotelo P., Avila E. (1997) “I’m Here, but I’m There”: The Meanings of Latina Transnational Motherhood. *Gender and Society*. Vol. 11. No. 5. P. 548—571. <https://doi.org/10.1177/089124397011005003>.
- Huijsmans R. (2011) Child Migration and Questions of Agency. *Development and Change*. Vol. 42. No. 5. P. 1307—1321. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7660.2011.01729.x>.
- Ilkhamov A. (2013) Labour Migration and the Ritual Economy of the Uzbek Extended Family. *Zeitschrift für Ethnologie/Journal of Social and Cultural Anthropology*. Vol. 138. P. 259—284.
- Olwig K. F. (1999) Narratives of the Children Left Behind: Home and Identity in Globalised Caribbean Families. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 25. No. 2. P. 267—284. <https://doi.org/10.1080/1369183X.1999.9976685>.
- Orellana M. F., Thorne B., Chee A., Eva Lam W. Sh. (2001) Transnational Childhoods: The Participation of Children in Processes of Family Migration. *Social Problems*. Vol. 48. No. 4. P. 572—591. <https://doi.org/10.1525/sp.2001.48.4.572>.
- Parreñas R. S. (2005a) Long Distance Intimacy: Class, Gender and Intergenerational Relations between Mothers and Children in Filipino Transnational Families. *Global Networks*. Vol. 5. No. 4. P. 317—336. <https://doi.org/10.1111/j.1471-0374.2005.00122.x>.

- Parreñas R. S. (2005b) *Children of Global Migration: Transnational Families and Gendered Woes*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Portes A., Rumbaut R. G. (2001) *Legacies: The Story of the Immigrant Second Generation*. Berkeley, CA: Sage.
- Portes A., Zhou M. (1993) The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 530. No. 1. P. 74—96. <https://doi.org/10.1177/0002716293530001006>.
- Rumbaut R. G. (2004) Ages, Life Stages, and Generational Cohorts: Decomposing the Immigrant First and Second Generations in the United States. *International Migration Review*. Vol. 38. No. 3. P. 1160—1205. <https://doi.org/10.1111/j.1747-7379.2004.tb00232.x>.
- Tyrrell N., Kallis G. (2015) Children in Transnational Family. In: Laoire C. N., White A., Skelton T. (eds.). *Movement, Mobilities and Journeys. Geographies of Children and Young People*. Vol. 6 Singapore: Migrations Springer Science+Business Media. P. 1—18.
- Vathi Z. (2011) *The Children of Albanian Migrants in Europe: Ethnic Identity, Transnational Ties and Pathways of Integration*. Thesis/Dissertation Doctoral Thesis (DPhil), University of Sussex.
- Wilding R. (2006) “Virtual” Intimacies? Families Communicating Across Transnational Contexts. *Global Networks*. Vol. 6. No. 2. P. 125—142. <https://doi.org/10.1111/j.1471-0374.2006.00137.x>.

Приложение

Список кейсов

№№	Мигрант	Год рождения	Начало миграции	Дети: пол, год рождения	Дети в миграции
Таджикистан					
1	Муж.	1974	1996	2 сына — 2003, 2006, дочь — 2005	нет
2	Муж.	1976	1998	3 сына — 2003, 2008, 2010, дочь — 2002	нет
3	Муж.	1983	2001	2 дочери — 2009, 2013	нет
4	Муж.	1971	2007	сын — 1996, 2 дочери — 1999, 2005	да
5	Муж.	1968	2007	3 сына — 1997, 1999, 2004	да
6	Муж.	1983	2001	2 сына — 2007, 2012, дочь — 2009	нет
7	Муж.	1980	2000	2 дочери — 2008, 2012, сын — 2017	нет
8	Муж.	1988	2010	2 дочери — 2011, 2014	нет
9	Жен.	1981	2007	сын — 2003, дочь — 2004	нет
10	Жен.	1986	2012	сын — 2006	нет
11	Муж.	1986	2007	дочь — 2014	нет
12	Муж.	1974	1997	дочь — 2002 (первый брак в СПб), 3 сына — 2004, 2005, 2010	да
13	Муж.	1982	1995	3 детей — школьники (гг. рождения неизвестны)	нет
14	Муж.	1965	1988	3 дочери (1990, 1993, 2000), 2 сына (1988, 1996)	нет
Узбекистан					
15	Муж.	1985	2011	сын — 2014	нет
16	Муж.	1967	2007	3 сына — 1993, 1999, 2007 и дочь — 2007	нет
17	Муж.	1973	2014	2 сына — 1997, 2001, 2 дочери — 1999, 2004	нет
18	Муж.	1986	2007	сын — 2009	нет
19	Муж.	1972	2004	дочь — 2006	нет
20	Муж.	1975	2011	3 дочери — 2001, 2002, 2006	нет
21	Муж. + Жен.	1981 и 1981	2014 и 2012	дочь — 2003, сын — 2004	нет
Кыргызстан					
22	Муж. + Жен.	1968 и 1973	2011	4 сына — 1992, 1994, 1997, 2003	да
23	Жен.	1981	2008	сын — 2014, дочь — 2006	да
24	Муж.	1987	2007	4 дочери — 2008, 2010, 2013, 2016	нет
25	Жен.	1978	2013	сын — 2004	да
26	Муж. + Жен.	1982 и 1984	2005	3 сына — 2010, 2012, 2017, 2 дочери — 2006, 2008	да
27	Муж. + Жен.	1983 и 1990	2001 и 2007	сын — 2010, дочь — 2013	да
28	Муж. + Жен.	1976 и 1978	2007	три сына — 1999, 2001, 2006	да
29	Муж. + Жен.	1968 и 1972	2012	три сына — 1995, 1996, 2005	да
30	Муж.	1990	2006	2 сына — 2013, 2015	нет